

УБЫТКИ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ ВРЕД

Ю.Э. МОНАСТЫРСКИЙ,

кандидат юридических наук

DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-2-113-132

Настоящая публикация размещается с целью обсуждения сравнительных особенностей таких важных правовых категорий, как нематериальный вред и убытки. Помимо обзора ряда доктринальных суждений о них, выводов высших судебных инстанций и европейских подходов автор также сосредотачивается на вопросе соотношения категорий морального и репутационного ущерба, отмечая, что не все обозначенные понятия, обычно употребляемые в доктрине, соответствуют строгой законодательной терминологии. Например, сведения, порочащие честь, достоинство, деловую репутацию, не причиняют, кроме морального, вред как таковой, но связаны с появлением убытков. Как представляется, впервые предложен для оценки тезис, что они могут взыскиваться вместо компенсации морального вреда, несмотря на то, что последний, если это прямо предусмотрено в законе, выплачивается в дополнение к присуждению убытков, другим способам защиты (п. 2 ст. 1099 ГК РФ); практика же взыскания просто за душевное недомогание и т.п. незначительна, а нечестные суммы присуждения номинальны. На наш взгляд, убытки ввиду толкования ст. 1082 ГК можно возлагать по причине страдания и т.п., конечно, если они имели место или предстоят как расходы, но не просто ожидаются, так как упущенная выгода – это то, что должно было быть получено.

Ключевые слова: убытки; нематериальный вред.

LOSS AND IMMATERIAL DAMAGE

Yu.E. MONASTYRSKY,

Candidate of Legal Sciences

This publication is posted to discuss the comparative features of such important legal categories as non-material injury in correlation with damages. In addition to reviewing several doctrinal judgments about them, the findings of higher courts and the European approaches, the author also focuses on question of relationship between concepts of moral and reputational impact, noting here that not all the identified significance commonly used in the doctrine correspond to strict legislative terminology. For example, information injurious to honor, dignity, business reputation does not cause, except moral, harm as such, but associated with the appearance of damages. It seems to be the first time proposed to evaluate the thesis that they can be recovered instead of any non-pecuniary damage. The practice of compensation simply for mental illness, etc. is extremely rare with nominal value of recoveries, in our view, damages, due to the interpretation of Article 1082 of the Civil Code, can be collected due to misery, ailments, suffering, anxiety etc. Of course, if damages occurred or are to be born, but are not just expected, as the loss of profit is that which could have been received.

Keywords: damages; immaterial harm.

1. История

Представляется практически полезным узнать о генезисе и эволюции возмещения морального вреда в свете поступательной дифференциации регулирования еще даже до того, как возникло и стало определяющим фактором функционирования общества и экономики кодифицированное гражданское право в XIX в. Первоначально присуждение основывалось на ответственности в виде штрафов. В Законе XII таблиц¹ не только за увечья, невозполнимую потерю здоровья, но и за оскорбления полагалось денежное удовлетворение. Во времена монархий, в том числе самой большой из них – российской, в источниках было зафиксировано множество казуистических правил штрафования за обиды с указанием твердых сумм.

¹ Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. СПб.: Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1913. С. 13.

Гуманистическое направление правовой мысли ратовало также за необходимость предоставления компенсации за «слезы, муки, бессонные ночи», и судебная практика уже в XIX в. исходила из индивидуального изучения претерпеваний для присуждения. В печати остались описания случаев взыскания, например, кассационным судом в Палермо в пользу женщины с ответчика, не исполнившего обещания на ней жениться (решение от 1 апреля 1909 г.). Генуэзский суд 10 мая 1898 г. присудил 1400 лир пассажиру, который в сорвавшемся вагоне трамвая подвергся «опасному путешествию». Учителю, которому несправедливо отказали в месте и оклеветали, было присуждено 15 000 лир (8 мая 1909 г.)¹.

В российских исторических источниках права убытки взыскивались за «обииду» в целом, и в это понятие входило и умаление достоинства. В судебныхниках Ивана III (1497 г.) и Ивана IV Грозного (1550 г.) содержится целый ряд постановлений о взыскании за бесчестие. Оно зависело от «общественного положения пострадавшего и пола»². Это же было предусмотрено в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г.³ В абз. 2 ст. 151 ГК РФ говорится о необходимости учитывать индивидуальные особенности пострадавшего. То же установлено в абз. 2 ст. 1101 ГК.

В далекие времена, как и сейчас, имели важное назначение платежи штрафа за нанесение морального ущерба наряду с заглаживанием и смягчением переживаний и физических страданий, а именно вытеснение и предупреждение личной расправы и неправовых ответных мер любого толка. И в этом отношении значение этого средства правовой защиты отнюдь не уменьшилось, а в некоторых отношениях даже возросло.

В своде гражданских законов Екатерины II имеется более широкий перечень казуистических случаев денежной компенсации за причинение нематериального вреда. Однако далее мы видим, что, несмотря на литературное популяризаторство в начале XX в. института морального вреда, судебная практика оказывается глухой к искам о его компенсации. Правительствующий сенат аж в 1900-х гг. возвращал лишь отдельные дела на новое рассмотрение с высказыванием о необходимости взыскания нравственного вреда, и то применительно к подходу судов Царства Польского, где действовало, как известно, собственное гражданское право⁴, хотя территория до Октябрьского переворота *de jure* входила в состав Россий-

¹ Беляцкий С.А. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 25–26.

³ «Ложно обвинявший другого в незаконном происхождении подвергается взысканию бесчестья «вдвое». Кто на кого пустит собаку «нарочным делом и та его собака того, на кого ее пустили, изъест или платье издерет... и на нем велети истцу доправить бесчестье и увече и убытки вдвое» (Уложение, гл. X, ст. 28, 281, см. также гл. XXII, ст. 10, 11 и др.)» (цит. по: Там же. С. 25).

⁴ Решение Кассационного департамента Правительствующего сената 1909 г. № 46 (см.: Там же. С. 47).

ской империи. Однако применялись разрозненные правила о вознаграждении за «недозволенные действия», куда входили особо предусмотренные покушения на личность без устойчивого вреда здоровью (об этом также далее).

В России имелись отдельные нормы о возможной компенсации за обольщение, а также за насилие и обезображивание девушек (ст. 662, 663 т. X, ч. 2 Свода законов Российской империи (далее – Свод законов)). Судья за неправо судный приговор подвергался гражданско-правовому штрафу (ст. 678 т. X, ч. 1 Свода законов). Как мы видим, санкции назначались за недозволенные действия, будь то «преступление или проступок». При этом законодатель не утруждал себя обобщениями, например, девица вследствие зверского к себе отношения получала удовлетворение, а молодая женщина в замужестве или после него – нет.

В Своде законов имелись отдельные правила о наказании за «действия преступные», такие как покушение на честь, влияющее на кредит потерпевшего, соблазнение и пр. Таким образом, как правило, в то время личные права защищались средствами уголовного права. В литературе высказывалось мнение, что и моральный вред входит в понятие вреда и убытков, возникающих ввиду недозволенных действий, за что предусмотрено «вознаграждение»¹.

В ГК РСФСР 1922, 1964 гг. нравственные и физические страдания не фигурировали в качестве основания для взыскания, и только в ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. сказано: «Моральный вред (физические и нравственные страдания), причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемых судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда».

2. РЕГУЛИРОВАНИЕ

По действующему ГК РФ причинение морального вреда – это деликт. Пострадавшему истцу возмещение осуществляет «лицо, причинившее вред» (п. 1 ст. 1062 ГК РФ). Его опасность может быть сводима к требованию о запрете деятельности (п. 1 ст. 1065).

Моральный вред должен присуждаться по общему правилу при нарушении личных прав и неимущественных благ² и – в исключительных случаях, прямо уста-

¹ *Беляцкий С.А.* Указ. соч. С. 28.

² Личными правами оформляется принадлежность нематериальных благ, таких как имя, честь, достоинство личности, жизнь, здоровье и т.д. По мнению некоторых ученых, они включают в себя следующие правомочия: на собственные действия; на требование носителя субъективного права воздержаться от нарушения его права, адресованное неопределенному кругу лиц, и на защиту (см. подробнее: *Ульбашев А.Х.* Осуществление и защита личных прав // Законодательство. 2017. № 9. С. 11).

новленных законом¹, – при ущербе в имущественной сфере потерпевшего². Страдания, недомогания и переживания, которые вполне могут быть причиной того, что гражданин перестал ходить на работу, упустил частную практику, потерял или не получил какие-либо доходы либо выгоды, казалось бы, не создают законодательно закрепленной возможности требовать убытки по этому поводу.

Независимо от вышесказанного, российская судебная традиция такова, что размер или стоимость нравственных страданий определяется в незначительных суммах, что контрастирует с западной практикой, в первую очередь США, где могут присуждать астрономические возмещения за душевное терзание из-за болезни и смерти родственника от некачественных лекарственных препаратов, за шокое состояние потребителя от различных происшествий, вследствие недолжного исполнения и т.д. У юридических лиц возможность взыскания морального вреда теперь отсутствует. Они могут, например, защищать свое право путем заявления требования о возмещении ущерба репутации³.

По действующему отечественному регулированию убытки не взыскиваются в дополнение к моральному вреду, возмещаемому согласно ст. 151 ГК РФ, только обратная ситуация возможна применительно к физическому лицу. В пользу этой концепции может говорить то, что компенсация за душевное состояние построена на штрафной ответственности, означающей не что иное, как наказание причинителя⁴ наряду с удовлетворением и смягчающим эффектом для эмоционально-

¹ Согласно абз. 2 п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (далее – Постановление № 10) данный вид ущерба «в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.».

² Например, согласно ч. 1 ст. 237 ТК РФ «моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя [т.е. нарушением его трудовых (имущественных) прав. – Ю.М.], возмещается работнику в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора» (см.: Ульбашев А.Х. Указ. соч. С. 18).

³ Пункт 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом ВС РФ 16 февраля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Вместе с тем, в частности, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в качестве цели присуждения судом компенсации рассматривает возмещение заявителю действительных неблагоприятных последствий нарушения, а не наказание ответчика:

«9. Суд компенсирует только действительно причиненный ущерб. В намерения Суда не входит наказание Договаривающейся Стороны. До сих пор Суд не считал уместным принимать требования о выплате ущерба, квалифицированные как «карательные», «отягчающие» или «показательные». <...>

13. Компенсация морального ущерба в денежной форме преследует цель возместить физические или психические страдания» (п. 9, 13 Практической инструкции «Требование справедливой компен-

го состояния потерпевшего¹. И раз истец получает даже больше, чем восстановительная стоимость урона, нанесенного его личности, убытки ему не положены.

Примечательно, что взыскание больших сумм морального вреда не производится даже при очевидных случаях ухудшения здоровья ввиду потребления некачественных товаров, ненадлежащего выполнения работ (оказания услуг). В иностранных юрисдикциях как раз за такие нравственные претерпевания присуждаются серьезные денежные компенсации².

Как упоминалось, российский законодатель пошел по пути закрытого перечня составов, когда можно обращаться к этому средству правовой защиты как к дополнительному в случае нарушения имущественных прав. Согласно п. 3

сацией // https://www.echr.coe.int/Documents/PD_satisfaction_claims_RUS.pdf (далее – Практическая инструкция)). При этом следует учитывать, что «по своей природе моральный ущерб не поддается точному исчислению» (п. 14 Практической инструкции); «задача расчета размера компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого является личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску (п. 9 Совместного частично несовпадающего особого мнения судей Шпильманна и Малинверни по делу «Максимов (Maksimov) против России» (жалоба № 43233/02) (СПС «КонсультантПлюс»))». Однако если установлено причинение морального вреда и суд считает, что необходимо присуждение денежной компенсации, он производит оценку, исходя из принципа справедливости (п. 14 Практической инструкции).

Отметим, что вопрос о том, какая функция – компенсационная или карательная – имеет большее значение в институте компенсации морального вреда, по-прежнему вызывает затруднения в доктрине (см., например: *Воробьев А.В.* Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008; *Sebok A.J.* Punitive Damages in the United States // *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives* (= Tort and Insurance Law. Vol. 25) / H. Koziol, V. Wilcox (eds.). Springer, 2009. P. 161–162).

¹ В российской литературе нередко указывается на то, что обязательство по компенсации морального вреда направлено на предоставление потерпевшему возможности приобрести некоторые материальные блага, которые облегчат перенесенные или переносимые боль и страдания. Показательно в этом смысле рассуждение В.Т. Смирнова и А.А. Собчака (см.: *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 61), которые приводят следующий пример: большой любитель музыки, театра и кино в результате полученного увечья оказался прикованным к постели и был лишен возможности посещать театр и кино. Следовательно, кроме имущественного ущерба, выразившегося в утрате заработка, потерпевший понес и определенный моральный вред в виде лишения возможности посещать зрелищные мероприятия, концерты и т.п. В подобных случаях, по мнению указанных авторов, было бы целесообразным возложить на причинителя обязанность купить для потерпевшего приемник или проигрыватель и набор пластинок с записью соответствующей музыки, телевизор, т.е. только те расходы (или обязанность совершить соответствующие действия), которые могут если не устранить, то хотя бы уменьшить эффективность проявления ущерба. Такой подход к возмещению морального вреда, именуемый «функциональным», зачастую подвергают критике, ссылаясь, в частности, на то, что потерпевший от морального вреда вовсе не обязан приобретать те материальные блага, которые улучшат его эмоциональное состояние и потому смягчат страдания (см. подробнее: *Ягельницкий А.А.* К вопросу о неразрывной связи права с личностью: приемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // *Вестник гражданского права.* 2013. Т. 13. № 2. С. 68–70).

² Борьбе с подобными нарушениями со стороны продавца служит широко распространенный в общем праве институт штрафных убытков (см. подробнее: *Глоов Д.Х.* Штрафные убытки в потребительском праве // *Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. Т. 3. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018).*

ст. 1099 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от материального ущерба. Такое регулирование, состоящее в возможности взыскания и того, и другого, мы видим в абз. 2 ст. 15 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

3. РЕПУТАЦИЯ

Важной разновидностью нематериального ущерба является урон деловой репутации юридического лица или достоинству и чести¹ – физического (ст. 152 ГК РФ). За это в соответствии с отечественным законодательством присуждают убытки, а если потерпевший – гражданин, то и компенсацию морального вреда. На данный момент сложилась обширная судебная практика в отношении дел о диффамации. При этом долгое время ВАС РФ не сталкивался с такими исками; вместе с тем указывалось, что юридические лица не могут требовать моральный вред². В дальнейшем подход судов изменился под влиянием практики ЕСПЧ³ и определения КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О⁴. Кроме того, он

¹ Ранее честь рассматривали как «общественную оценку личности как члена общества» (Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. С. 31; см. также: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. С. 18). Постановлением Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц» было разъяснено, что понятие «честь» «охватывает комплекс объективно сформировавшихся и устоявшихся в социуме положительных представлений о должном поведении и личных характеристиках среднего, а не конкретного человека» (см.: Ульбашев А.Х. Указ. соч. С. 15). Аналогично рассматривается и деловая репутация юридического лица.

² Так, в информационном письме ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации» о возмещении нематериального вреда не говорится. Среди соответствующих институтов подчеркиваются неденежные способы защиты права, такие как опровержение, и возмещение убытков (см. об эволюции подхода судов: Гаврилов Е.В. Наследие практики ВАС РФ и новейшая практика ВС РФ о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // Арбитражные споры. 2017. № 4. С. 101–118).

³ См. подробнее: Гаврилов Е.В. Эволюционирующий характер практики Европейского суда по правам человека о компенсации нематериального вреда юридическим лицам // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 99–117. Так, в деле «Партия свободы и демократии (ÖZDEP) против Турции» (жалоба № 23885/94, постановление от 8 декабря 1999 г.) ЕСПЧ пришел к выводу, что юридические лица могут испытывать *dommage moral* через моральный вред их сотрудникам, учредителям и руководству. Впоследствии его практика эволюционировала, и уже в решении по делу «Комингерсоль С.А.» (*comingersoll s.a.*) против Португалии» (жалоба № 35382/97, постановление от 6 апреля 2000 г.) Суд заключил, что компании могут испытывать нематериальные убытки из-за умаления деловой репутации вследствие действий или бездействия государства. В плане восприятия практики ЕСПЧ российским правоприменителем безынтересно дело № А40-97503/2016, в котором истец ссылался на вышеупомянутое решение по делу «Комингерсоль С.А.» (*comingersoll s.a.*) против Португалии» (см. постановления АС г. Москвы от 19 декабря 2016 г., Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 марта 2017 г. и АС Московского округа от 27 июня 2017 г.).

⁴ Определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

стал более единообразным благодаря постановлению Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц» (далее – Постановление № 3). В соответствии с абз. 1 п. 15 данного Постановления «статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет гражданину, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, право наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда». Названное правило в части, касающейся деловой репутации гражданина, некоторое время применялось и к защите деловой репутации юридических лиц. В результате ВАС РФ и нижестоящие арбитражные суды перестали отрицать возможность взыскания морального вреда в пользу некоторых юридических лиц в силу тесной связи с его участниками¹. Встречалось курьезное его отождествление с ущербом репутации². В 2013 г. было окончательно установлено, что моральный вред организации не несут (Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Нужно отметить, что в литературе практически отсутствуют рассуждения о том, как рассчитывать убытки при репутационных потерях, ведь такую санкцию нельзя отнести к разновидностям деликтной ответственности, подразумевающим материальный ущерб, хотя некоторые авторы допускают такое приравнивание³.

С нашей точки зрения, размер убытков здесь следует определять на основании ст. 15 ГК РФ⁴, и распространение информации, вредоносной для делового

¹ См. постановления ВАС РФ от 23 мая 2006 г. № 16140/05 по делу № 5-70/04, ФАС Западно-Сибирского округа от 31 января 2008 г. № Ф04-185/2007 (210-А46-11) по делу № А46-5-70/04.

² См., например, постановление ФАС Северо-Западного округа от 21 августа 2007 г. по делу № А56-50637/2005: «Довод подателя жалобы о прекращении производства по делу является несостоятельным, поскольку, исходя из уточнения заявленных требований, нельзя признать, что истец изменил предмет иска. Предмет иска остался прежним – требование о взыскании денежной компенсации за вред, причиненный деловой репутации, или иными словами – моральный вред». По другим делам тот же суд со ссылкой на п. 5 Постановления № 10 указал, что «в случае причинения вреда деловой репутации юридического лица также могут быть применены положения о выплате компенсации по аналогии компенсации морального вреда гражданину, предусмотренной статьями 151, 1101 ГК РФ» (см. постановления ФАС Северо-Западного округа от 10 июня 2014 г. № Ф07-3454/2014 по делу № А05-9627/2013, от 10 июля 2013 г. по делу № А56-42664/2012). Отметим, что, с нашей точки зрения, в ст. 1101 ГК РФ речь идет все же об убытках.

³ См., например: *Гаврилов Е.В.* Наследие практики ВАС РФ и новейшая практика ВС РФ о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам. С. 109.

⁴ Такой позиции придерживается и Президиум ВАС РФ в постановлении от 9 июля 2009 г. № 2183/09 по делу № А40-7356/08-22-53. Эта позиция также имеется в определении ВАС РФ от 6 сентября 2012 г. № ВАС-9565/12 по делу № А55-14394/2011; постановлении АС Восточно-Сибирского округа от 11 марта 2015 г. № Ф02-595/2015 по делу № А33-7716/2014; постановлении ФАС Поволжского округа от 12 мая 2012 г. по делу № А55-14394/2011; постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2016 г. № 09АП-59187/2015 по делу № А40-211797/14; постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 марта 2016 г. № 11АП-2842/2016 по делу № А49-10535/2015; постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2015 г. по делу № А33-5001/2015.

имиджа субъекта, предстает прежде всего в виде упущенной выгоды из-за сорвавшихся проектов, приобретений и карьерных ожиданий¹. В идеале убытки здесь не должны, подобно моральному вреду, играть нравственно-поддерживающую, компенсационную роль. По букве закона в этом случае действует принцип полного возмещения. При этом никто не отменяет его относительности. Если для противодействия вредной публикации потребуются печатное опровержение, то затраты на него можно будет справедливо назвать расходами на восстановление нарушенного права. К 2008 г. специалисты ВАС РФ подготовили несколько проектов постановлений Пленума, в которых предусматривалась возможность компенсации хозяйствующим субъектам нематериального вреда. Но эти документы так и не были приняты, главным образом из-за неприятия данной категории гражданско-правовых последствий².

Согласно актуальной позиции высшей судебной инстанции на истца возлагается обязанность доказывания наличия у него сформированной репутации в той или иной деловой сфере³. Помимо этого потерпевший должен обосновать не только наступление неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, но и факт утраты доверия и девальвации имиджа⁴.

¹ Но к этому не сводится нематериальный вред, проявляющийся, в частности, в утрате юридическим лицом в глазах общественности и профессионального сообщества положительного мнения о его деловых качествах, потере конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности. Мы только отчасти согласны с А.М. Эрделевским и К.И. Скловским, причисляющими все неблагоприятные последствия урона репутации компании к убыткам в классическом смысле; в любом случае их определение должно быть другим: в первую очередь это будущие расходы, а упущенная выгода – только при явной связи (см.: Эрделевский А.М. О моральном и «репутационном» вреде в свете изменений Гражданского кодекса РФ // *Хозяйство и право*. 2017. № 2. С. 101; Скловский К.И. Повседневная цивилистика. М.: Статут, 2017. С. 118–120). Противоположной позиции придерживаются С.А. Киракосян, Е.С. Емелина, Н.Н. Парыгина и Е.В. Гаврилов (см.: Киракосян С.А., Емелина Е.С. Репутационный вред юридического лица: особенности доказывания и судебная практика // *Вестник арбитражной практики*. 2017. № 2. С. 21–22; Парыгина Н.Н. Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 146; Гаврилов Е.В. Наследие практики ВАС РФ и новейшая практика ВС РФ о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам. С. 113). Последний утверждает, что диффамация необязательно приводит к убыткам, в то время как нематериальный вред в этом случае очевиден и при определенных условиях должен быть возмещен.

² См. подробнее: Гаврилов Е.В. Наследие практики ВАС РФ и новейшая практика ВС РФ о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам. С. 101–118.

³ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 17 июля 2012 г. № 17528/11 по делу № А45-22134/2010; п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017). Такой подход ВС РФ к доказыванию нарушения деловой репутации уже устоялся и имеется в том числе в более новой судебной практике (см. определения ВС РФ от 26 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-21841 по делу № А40-40306/2017, от 11 августа 2017 г. № 301-ЭС16-8279 по делу № А17-5788/2014, от 27 июля 2017 г. № 306-ЭС17-7583 по делу № А57-29630/2015).

⁴ См.: п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017); определение ВС РФ от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015; постановление Президиума ВАС РФ от 17 июля 2012 г. № 17528/11 по делу № А45-22134/2010.

Далее, истцу нужно аргументировать существенность нарушения и то, что остальные правовые средства не позволяют эффективно восстановить его право¹. Таким образом, правовая позиция, изложенная в п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), по мнению отдельных правоведов, фактически приравнивает нематериальный ущерб к убыткам². Поэтому Г.М. Резник назвал ее «похоронами» репутационного вреда³. Все же, вероятно, в будущем такое средство защиты права, как нематериальный ущерб юридическим лицам, признают бесспорно допустимым. Вред репутации сложно оценить в денежном эквиваленте⁴, в отличие от нарушения материальных благ, которое можно подсчитать исходя из реальной стоимости имущества на момент нарушения. Вместе с тем он также выражается в расходах, которые кредитор «должен будет понести» (ст. 15 ГК).

Представление о юридическом лице, отражающее объективно сформировавшиеся и устоявшиеся в профессиональном сообществе взгляды на должное поведение и деловые качества среднего участника оборота, напрямую влияет на потенциал компании. Как сказал талантливый советский ученый, профессор Я.М. Магазинер, «риск не что иное, как возможность зла», а шанс – это нечто противоположное: он обещает некую вероятность не зла, а блага⁵. Так что применительно к испорченной репутации упущенную выгоду – потерянные возможности – определять проще, но отношение к каузальности должно быть строгое. Между тем прямые траты на восстановление делового имиджа в условиях его

¹ См.: п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017); определение ВС РФ от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015. Как указал АС Северо-Западного округа, «для признания за [истцом] права на предъявление требования о компенсации убытков, причиненных умалением деловой репутации... последний не представил доказательств того, что распространенные ответчиком сведения привели к таким последствиям, в результате которых [он] понес потери имущественного характера в заявленном размере» (постановление АС Северо-Западного округа от 11 августа 2017 г. № Ф07-8111/2017 по делу № А56-3154/2014).

² См. подробнее: *Гаврилов Е.В.* Наследие практики ВАС РФ и новейшая практика ВС РФ о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам. С. 118. Автор придерживается того мнения, что ВС РФ в рассматриваемой позиции закрепил сингулярный способ защиты юридических лиц от диффамации, который представляет собой по сути компенсацию за любое доказанное и существенное умаление деловой репутации.

³ Опасные слова: факты и оценки. О сложных делах по защите чести, достоинства и деловой репутации (выступление вице-президента ФПА Г.М. Резника) // Вестник Федеральной палаты адвокатов. 2017. № 2. С. 209.

⁴ Например, в п. 14 Практической инструкции говорится: «По своей природе моральный ущерб не поддается точному исчислению. Если его наличие установлено и если Суд считает, что есть основание для предоставления денежной компенсации, то он устанавливает сумму компенсации, исходя из соображений справедливости и с учетом своей практики».

⁵ *Магазинер Я.М.* Общая теория права на основе советского законодательства / *Магазинер Я.М.* Избранные труды по общей теории права / Под ред. А.К. Кравцова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 112.

дальнейшего ухудшения могут вызывать сомнения. Вместе с этим, как было сказано, явнее всего выступает такая разновидность убытков, как будущие расходы. Они входят в разряд реального ущерба (ст. 15 ГК РФ) и составляют сущность не законодательного, но доктринального понятия «репутационный вред».

4. Убытки (ст. 1082 ГК РФ)

Нам пока не приходилось сталкиваться с комментариями о том, что реальный ущерб, упущенную выгоду допустимо присуждать вместо морального ущерба по искам ввиду его причинения. Но вот по буквальному прочтению ст. 1082 ГК РФ убытки могут взыскиваться вместо этой компенсации, так как § 1 «Общие положения о возмещении вреда» гл. 59 распространяется и на § 4. Статья 1082 ГК РФ позволяет сделать этот вывод: убытки вместо «вреда, причиненного личности... гражданина» (п. 1 ст. 1064 Кодекса). Нравственные претерпевания влекут умаление нематериальных благ, среди которых важное место занимают достоинство¹, здоровье и жизнь. Отсюда юридический повод требовать компенсацию.

Итак, по нашей трактовке регулирования, из-за распространения порочащих сведений и нарушения прав потребителей ущерб и упущенная выгода может истребоваться вместо морального вреда. Однако и всякая утрата либо повреждение вещей и имущественных благ, происшедшие вследствие физических и нравственных страданий от воздействия источников повышенной опасности либо лишения свободы и пр., должны открывать путь для компенсации реального ущерба от потерянных возможностей для коммерческой деятельности и т.д.

Если, по аналогии, из-за продолжающихся душевных претерпеваний ввиду незаконного заключения под стражу, из-за только этого кто-то был вынужден закрыть свои мастерские, дававшие прозрачный налогооблагаемый доход, который составляет величину упущенной выгоды в виде предполагаемой чистой прибыли, то налицо его убытки, ЕСПЧ при подсчете подобных утрат применит ежегодную 10%-ную индексацию².

Российский законодатель выделил компенсацию морального вреда в качестве особого средства правовой защиты наряду с возмещением убытков и взысканием неустойки в перечне ст. 12 ГК РФ. «Обычный» вред в этом списке не значит-ся, что на первый взгляд позволяет говорить о тождественности этого понятия категории убытков. Однако считаем, что такое суждение будет неверным. Возмещение вреда не вошло в открытый перечень ст. 12, но имеется в ГК – это прежде

¹ Достоинство личности – это сугубо субъективная характеристика. Н.С. Малеин определял ее как «внутреннюю самооценку собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения» (Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. С. 32).

² См. подробнее: Егоров В.В. Взыскание убытков в форме упущенной выгоды: практика Европейского суда по правам человека и арбитражных судов РФ // Арбитражная практика. 2009. № 8. С. 62.

всего натуральное замещение или исправление повреждения (ст. 1064). Убытки же взыскиваются через отсылку к п. 2 ст. 15 ГК РФ в соответствии со ст. 1082 Кодекса, и это другой охранительный инструмент, который все же не компенсация за утрату и повреждение по гл. 59 ГК.

Важно, что при определении стоимости нравственных страданий суд должен учитывать степень вины причинителя (ст. 1101 ГК РФ). Эта формулировка подразумевает более тесную причинную связь при умысле, чем при легкой неосторожности, в случае с взысканием нематериального ущерба. Вместе с тем в абз. 1 п. 2 ст. 1101 Кодекса есть следующая фраза: «...в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда...». Выходит, если ущерб здоровью, повлекший смерть, причинен автомобилем (источник повышенной опасности) умышленно и если наезд был случайным ввиду плохой видимости, степень вины не имеет значения. Очевидно, в первом эпизоде это просто убийство, а во втором – трагическое стечение обстоятельств, но размер положенного возмещения будет одинаковым. А при намеренно плохом оказании потребительских услуг в сфере общественного питания, повлекшем вред здоровью, цена взыскания все-таки зависит от степени грубости нарушителя (абз. 2 ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК). Первый пример со всей ясностью демонстрирует, что степень вины – фактор большой значимости именно при определении величины ответственности и при установлении причинной связи убытков и вреда. Безвиновная база обязательства из причинения морального вреда деструктивно влияет на этот институт в целом (подробнее об этом далее).

5. СРАВНЕНИЕ

Возмещение морального вреда как средство правовой защиты не являлось застывшим, а эволюционировало вместе с развитием правовой науки соответственно общественным запросам и отрезку проживаемого времени. Более того, сегодня, несмотря на естественную унификацию понимания правовых институтов, в особенности фундаментальных, таких как ответственность, договор, обязательство, сделка и т.п., имеется существенное различие в регулировании компенсации морального вреда в Российской Федерации и международных документах, вобравших в себя современные идеи европейской цивилистики, таких как Принципы европейского договорного права (*Principles of European Contract Law* (далее – *PECL*)), Принципы европейского деликтного права (*Principles of European Tort Law* (далее – *PETL*)), Модельные правила европейского частного права (*Draft Common Frame of Reference* (далее – *DCFR*)), Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА (*UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts*). Во всех этих документах собственно моральный вред – это составная часть так называемых неэкономических (*non-economic*) или немонетизируемых потерь (*non-pecuniary loss, damage*). Они составная часть или универсальный компонент взыскиваемого ущерба при причинении вреда (*damage*)

и в договорных отношениях убытков (*damages*) (ст. III.–3:701(3), VI.–2:101(1) *DCFR*, ст. 9:501(2)(а) *PECL*, ст. 10:301(1) *PETL*). В российском праве это разновидность гражданско-правового причинения вреда личности при нарушении немущественных, а в случаях, особо указанных в законе, – других субъективных прав (ст. 151, 999–1001 ГК РФ) (об этом подробнее далее).

Особое отношение нашей правовой доктрины к термину проявляется в том, что при переводе в 2003 г. ст. 7.4.2 Принципов УНИДРУА под названием «Полная компенсация» (*Full compensation*) было сказано, что в понятие «неэкономические убытки» входит моральный вред, хотя в английской версии документа такого понятия нет. Там говорится, что неэкономические потери включают в себя, в частности, физические страдания и эмоциональные потрясения (*physical sufferings and emotional distresses*). Это определение само по себе шире. В *DCFR* в названную правовую категорию входит также ухудшение качества жизни (*impairment of quality of life*) (ст. VI.–2:101(4)(b)). Отсюда вывод о гораздо более высоком стандарте охраны и защиты, заложенной в международные документы, чем в РФ. И дело даже не в том, что смысловой охват понятий другой.

Причинение вреда, или деликт, предполагает последствия при более тесной связи разрушительного действия и ущерба. Есть закрытый перечень случаев обращения компенсации морального вреда без *culpa*, но их всего три. И, как было сказано ранее, они играют на убеждение судей о том, что при страдании от боли и переживаниях от, например, травмы нужно исходить из минимального уровня денежного удовлетворения. Логика, очевидно, заключается в том, что трудно себе представить степень страданий и недомоганий. И в условиях жесткой директивной унификации судебной практики самый маленький объем возмещения будет меньше уязвим при обжаловании.

Фундаментальными понятиями гражданского процесса выступают состязательность и инициативность в вопросе доказывания фактов и обстоятельств, на которые ссылаются стороны (ч. 1 ст. 65 АПК РФ, ч. 1 ст. 56 ГПК РФ). Это используется судом, который предлагает доказать действительность перенесенных недомоганий.

Аналогом морального вреда в соответствии с последней европейской частной кодификацией являются, как уже было сказано, немонетизируемые потери и как часть взыскиваемых сумм ущерба при деликтах и убытках вследствие нарушения договорных обязательств. Следовательно, само понятие убытков как мерило нарушения субъективных прав другое. Более того, восстановительная стоимость личных прав, которые в *PETL* именуется правозащищаемым интересом (ст. 2:102), связанным с жизнью телесной и ментальной неприкосновенностью, человеческим достоинством и свободой, означает на практике использование презумпции и оценок, ведущих к существенным компенсациям за нематериальный вред. В *DCFR* уточняется, что персональная травма сама по себе, а не степень страданий вследствие деликтов уже является поводом для взыскания компенсации (ст. VI.–2:203, 2:204).

Основным критерием морального вреда в России выступает страдание без имущественных последствий для личности. Это необходимое условие, поэтому при нарушении личных неимущественных прав, названных выше, без страданий и нервных переживаний присуждать ничего не следует, в этом и состоит логика регулирования. Ведь если нет вреда личности, значит, и нет нарушенного права.

Представим незаконное ограничение свободы, не повлекшее переживание ввиду особенности личности, например, бывшего заключенного. В российском ГК прямо установлена обязательность учета судом такого важнейшего критерия, как особенность личности истца. Согласно европейскому документу это так называемый нематериальный вред интересу, связанному с правом на свободу, и поэтому его стеснение уже само по себе должно повлечь ответственность, страдало лицо или нет. В соответствии с российским регулированием моральный вред подлежит компенсации только в силу умаления неимущественных гражданско-правовых благ и в случаях, особо указанных в законе, при нарушении других субъективных прав. Соответственно, перед российским судом нужно аргументировать позицию о том, что ответчик поступил неправомерно, что между таким поступком и страданием имеется причинная связь и что самоощущение такого рода имело место или в высокой степени может предполагаться.

Трактование физических и нравственных страданий как результат целевых посягательств на физическое лицо и как эффект любого неправомерного поведения, влекущего многостороннюю ответственность, возможной гранью которой выступает имматериальный ущерб, привело к тому, что многочисленные или даже массовые случаи реальной жизни, связанные с физическим воздействием, подпадают под действие в первую очередь уголовного права. Дела о хулиганстве, о нанесении телесных повреждений расследуются долго, и возможный иск о сопутствующих страданиях имеет уголовно-правовой контекст, где основным пафосом выступает наказание обидчика государством. В то же время моральный вред являет собой нечто второстепенное и зависимое. Кроме того, об этом редко упоминается, большое значение имеет различное понимание вины, степень которой обязательно должна учитываться при взыскании (ст. 151 ГК).

Намеренность и неосторожность в уголовном и гражданском праве различаются. В последнем вина означает несоблюдение правового регулирования специально или по правовому неприлежанию. В уголовном регулировании это желание преступного результата либо самонадеянность в отношении его ненаступления. Скрупулезное исследование предпосылок гражданско-правовой ответственности в уголовном процессе будет подменено установлением того, хотел ли преступник страдания или недомогания своей жертвы или по крайней мере проявил он преступную небрежность в вопросе допущения моральных переживаний или нет.

При легкой неосторожности высокие суммы компенсации вряд ли могут сами по себе подразумеваться. Вина в соответствии с утверждающимся пониманием – это оценка поведения *post factum*, когда уже произошло вредоносное

обстоятельство и вопрос о том, насколько ответчик старался соблюдать регулирование, – это главнейший фактор причинной связи прежде всего. Легкая неосторожность граничит со случайностью в процессе. В литературе справедливо указывалось, что наносимый моральный вред не восстановим, а только подлежит компенсации. Таким образом, не требуется соотносимость негативного результата и ответных мер.

Величина удовлетворения зависит от двух факторов: степени вины и особенности личности пострадавшего. Само собой разумеется, что умышленное доставление страданий и недомоганий субъекту (женщине, ребенку, пожилому человеку) должно вести к большим суммам присуждения. Практика российских судов, рассматривающих теперь свыше 15 млн гражданских дел, не показывает дифференцированность подходов в удовлетворении исков о величине взыскания, связанных с причинением морального вреда, ограничиваясь номинальными величинами. Суммы заявленной оценки страданий, как правило, снижаются в два и более раза, тем самым создается демонстрация абсолютной несклонности серьезно разбирать такие требования, которые по мысли законодателя должны носить сугубо индивидуальный характер.

Институт морального вреда – важнейший регулятор споров вообще и проводник канонов высокоцивилизованного правосудия. Задача права состоит во всестороннем и качественном противодействии посягновению на личность. Из современной и прошлой литературы явствует, что имеются две концепции морального вреда, лежащие в основе законотворчества по обозначенному вопросу. Первая говорит о душевном комфорте, безмятежном существовании личности, помогающем раскрыть ее многогранность и целостность, что является охраняемой самостоятельной ценностью. Поэтому любое вторжение, беспокойство, деформация внутреннего мира достаточны для правового вмешательства в виде компенсации переживаемых неудовольствий, в каком бы жизненном эпизоде они не имели место. Вторая теория отождествляет моральный вред с физическими и нравственными страданиями, возникающими лишь при нарушении субъективных прав, в первую очередь личных, а также имущественных только в особо оговоренных случаях.

Ввиду деликта и пожара гибнет дом, а в нем – фамильные картины и фото семьи. О переживаниях собственника спорить не приходится, раз он утрачивает то, что составляет его реликвию и источник душевного спокойствия и гармонии, и в соответствии с первой упомянутой концепцией он должен быть удостоен имущественного удовлетворения от виновника пожара также платежом за неэкономические потери. Вместе с тем согласно другому пониманию моральный вред как результат покушения именно на нематериальные блага, непосредственно на личность и здоровье, нанесение телесных травм, вызывающих физическую боль, и клевета, приводимая к потере выгод, должны взыскиваться, но не в каждом случае, а когда это прямо установлено законом. По второй теории собствен-

ник ничего сверх стоимости имущества не должен получить. При этом законодатель все-таки фиксирует при помощи разбираемой категории возможность максимального вреда при нарушении обычных гражданских прав, а не только материальных при оказании некачественных услуг потребителю или ошибочном заключении под стражу.

Предполагаем, что первая доктрина составляет суть европейского регулирования, когда универсальное средство правовой защиты своего рода вбирает в себя и компенсацию за неправомерное воздействие на личность, теперь уже включающее не только в доставлении страданий, недомоганий, физических претерпеваний, нравственных терзаний, но и в ухудшении качества жизни, распространении сведений, затрагивающих честь саму по себе, а не с обязательным выяснением эффекта подобного умаления, стеснении свободы, как правило, вызывающем переживания, а не на основе убедительности доказательств о них.

Уже упоминалось, что согласно ст. VI.–2:203 DCFR при посягательстве на честь, достоинство и личную жизнь «как таковым», т.е. независимо от замера страданий, возникает правоохраняемое требование возмещения ущерба, в частности его неэкономическая составляющая в виде потерь (*non-economic loses*). То же самое происходит при распространении неточной (*incorrect*) информации, о чем мог разумно знать распространитель, даже без слов о необходимости обосновывать девальвацию репутации: считается, что возник правозомещаемый вред (ст. VI.–2:204 DCFR).

Как упоминалось, в РФ законодатель ввел регулирование, приближающееся ко второй теории о том, что моральный вред связан с физическими и нравственными страданиями, их сущностью, раз применимой является гл. 59 ГК РФ, о том, что их должен доказывать пострадавший. Даже при обезображивании внешности ввиду автомобильной аварии, когда ухудшение в личной сфере представляется со всей очевидностью, моральный вред взыскивается в небольшом либо нулевом размере.

Распространение порочащих сведений в соответствии с российским правом не деликт, так как в гл. 59 ГК, в отличие от морального вреда, о первом нет упоминания, оно влечет взыскание убытков, только если репутационные потери доказаны. Очень любопытным представляется вопрос: если распространение сведений повлияло на появление у крупного бизнесмена значительно упущенной выгоды, более того, привело к обогащению распространителя, который, например, выиграл тендер и пр., должна ли ответственность наступать без вины? Буквальное толкование пункта статьи ГК подсказывает утвердительный ответ. Более того, моральный вред в этом случае взыскивается без вины (п. 2 ст. 1101 ГК) наряду с источником повышенной опасности и уголовно-правовыми мероприятиями.

Вместе с тем представляется, что вина должна являться фактором присуждения как частное проявление неправомерности. Трансляция же вредоносных сведений даже без неосторожности не может влечь имущественных правовых последствий. По этой же ситуации ст. VI.–2:204 DCFR говорит о том, что ответ-

ственность наступает, как указывалось, когда распространитель знал или могло разумно ожидать его знание.

6. Вина

Категория морального вреда вызывает живой интерес у правоведов. И мы не сомневаемся, что ее ждет дальнейшее развитие. В главных правовых положениях ГК (ст. 151, 1099–1101) установлено, что как минимум при двух условиях: причинении нравственных либо физических страданий – боль, телесное недомогание, переживание; посягательстве на нематериальное благо, т.е. честь, доброе имя, жизнь, здоровье, репутацию, свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, авторство, неприкосновенность частной жизни, жилища, личную и семейную тайну, как и при нарушении имущественных прав, может быть взыскан моральный вред. Таким образом, в соответствии с прямым смыслом только попытка нанесения телесных повреждений, драки легитимизирует возмещение морального вреда, если событие вызвало страдание.

Однако такие требования органы, разрешающие споры, как представляется, у нас вообще не рассматривают серьезно, и это уже отмечалось. Небольшие суммы всегда присуждались и в связи с имущественными нарушениями в широком смысле этого слова, в случаях, определяемых только законом. В частности, к ним относятся результаты административного либо уголовного преследования, ограничившие свободу истца, нарушение правомерных потребительских ожиданий, непоправимое ухудшение здоровья, покушение на репутацию и т.п.

Получается, что пока наши правоприменительные органы не допускают исков о существенном «чистом» нанесении морального вреда. Такое средство правовой защиты особо выделено в абз. 10 ст. 12 ГК. Оказывается, в реальности оно не носит независимого характера, а лишь служит способом защиты в дополнение к таким средствам, как возмещение убытков, вреда, присуждение к определенным действиям, восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, и т.п.

Другим пунктом расхождения регулирования и практики, а также повседневной жизни является перечень условий возникновения обязательств по возмещению морального вреда. Он, в отличие от повреждения имущества, здоровья, не всегда установим, его доказывание невозможно и не основано на привычном правовом алгоритме. Истец всегда способен сказать, что он очень страдает и сильно недомогает. В этой связи представляется неразумным устанавливать ответственность за моральный ущерб без вины по двум независимым причинам.

Природа компенсации за переживания и недомогания неизменно штрафная, восстанавливать в этих обстоятельствах нечего, и в то же время денежное возмещение полагается за покушение или нарушение неотчуждаемого нематериального блага, которое в конечном счете все же никуда не девается. Каратель-

ный в гражданско-правовом смысле инструмент, оказывается, задействуется, в том числе помимо вины.

Противозаконности без *culpa* не бывает, альтернативные точки зрения демонстрируют изъян правовой логики. Злоупотребление или сама абстрактная возможность безвиновной компенсации, например, из-за неправомерного административного ареста и за правоохранительные ошибки ввиду невозможности знать ключевые обстоятельства будут создавать поток таких требований, если их цена значительная. Поэтому на сегодняшний день мы имеем то, что имеем, – критически низкие суммы возмещения, напрямую унижающие истцов. Будучи в курсе такой практики, добропорядочные участники процесса не станут никогда, как и сейчас, заявлять подобные претензии. Институт компенсации морального вреда не будет развиваться из-за отсутствия необходимой критической массы таких дел и материала как основы предметного обобщения практики высшей судебной инстанцией, дающей импульс дальнейшему научному анализу, изучению вопросов о том, при каких условиях человеческие переживания неизбежно должны производить имущественное наказание обидчика.

7. Выводы

Сегодня покушение на личность в Европе предлагается считать частью, как было сказано выше, ущерба, а в договорных отношениях – убытков в виде неэкономических или немонетизируемых потерь. Это позволяет исходить не из необходимости доказывания наличия и степени страданий, а из трудно опровержимой презумпции их перенесения. В российском праве, как мы уже упоминали, моральный вред – это вид причинения вреда личности, который, по общему указанию ГК РФ, должен быть доказан. Вместе с тем внимание было обращено на то, что, как и любой вред, моральный может быть заменен по усмотрению суда убытками (ст. 1082 ГК), например, в их разумном размере (п. 5 ст. 393 ГК РФ).

Если будет признано, что потерпевшие вместо моральных стеснений могут требовать возникшие в этой связи убытки в качестве свободного выбора более трудного, но и сильнее действующего средства правовой защиты, это снимет блокировку с притязаний о непосредственно компенсации морального вреда и оживит одноименный институт. Полагаем, что поддержка этого в доктрине и судебной практике сделает институт морального вреда более работоспособным.

References

Belyatskin S.A. Vozmeshchenie moral'nogo (neimushchestvennogo) vreda [Compensation of Moral (Immaterial) Damage]. St. Petersburg, 1913.

Egorov V.V. Vzyiskanie ubytkov v forme upushchennoj vygody: praktika Evropejskogo suda po pravam cheloveka i arbitrazhnykh sudov RF [Recovery of Damages in

the Form of Lost Profits: The Practice of the European Court of Human Rights and the Arbitration Courts of the Russian Federation] // Arbitration Practice. 2009. No. 8.

Erdelevsky A.M. O moral'nom i «reputatsionnom» vrede v svete izmenenij Grazhdanskogo kodeksa RF [On Moral and “Reputational” Damage in the Light of Changes to the Civil Code of the Russian Federation] // Economy and Law. 2017. No. 2.

Farber I.E. Svoboda i prava cheloveka v Sovetskom gosudarstve [Freedom and Human Rights in the Soviet State]. Saratov, 1974.

Gavrilov E.V. Evolyutsioniruyushchij kharakter praktiki Evropejskogo suda po pravam cheloveka o kompensatsii nematerial'nogo vreda yuridicheskim litsam [The Evolving Nature of the Practice of the European Court of Human Rights on the Compensation of Immaterial Damage to Legal Entities] // Arbitration Disputes. 2018. No. 2.

Gavrilov E.V. Nasledie praktiki VAS RF i novejschaya praktika VS RF o kompensatsii nematerial'nogo (reputatsionnogo) vreda yuridicheskim litsam [The Legacy of the Practice of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Newest Practice of the Supreme Court of the Russian Federation on the Compensation of Immaterial (Reputational) Damage to Legal Entities] // Arbitration Disputes. 2017. No. 4.

Gloov D.H. Shtrafnye ubytki v potrebitel'skom prave [Penalties in Consumer Law] // Dogovory i obyazatel'stva: Sbornik rabot vypusnikov Rossijskoj shkoly chastnogo prava pri Issledovatel'skom tsentre chastnogo prava imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente RF [Contracts and Obligations: Collection of Works by Graduates of the Russian School of Private Law at the Alekseev Private Law Research Center Under the President of the Russian Federation] / Comp. and ed. by A.V. Egorov. Vol. 3. Moscow, 2018.

Kirakosyan S.A., Emlina E.S. Reputatsionnyj vred yuridicheskogo litsa: osobennosti dokazyvaniya i sudebnaya praktika [Reputational Damage of a Legal Entity: Features of Evidence and Judicial Practice] // Bulletin of Arbitration Practice. 2017. No. 2.

Magaziner Ya.M. Obshchaya teoriya prava na osnove sovetskogo zakonodatel'stva [General Theory of Law Based on the Soviet Legislation] / *Magaziner Ya.M.* Izbrannye trudy po obshchej teorii prava [Selected Works on the General Theory of Law] / Ed. by A.K. Kravtsov. St. Petersburg, 2006.

Malein N.S. Okhrana prav lichnosti sovetskim zakonodatel'stvom [The Protection of Individual Rights by Soviet Law]. Moscow, 1985.

Parygina N.N. Zashchita prava na delovuyu reputatsiyu yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimatelej po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federatsii: Dis. ... kand. yurid. nauk [Protection of the Right to Business Reputation of Legal Entities and Individual Entrepreneurs Under the Civil Legislation of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences]. Omsk, 2017.

Sebok A.J. Punitive Damages in the United States // Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives (= Tort and Insurance Law. Vol. 25) / H. Koziol, V. Wilcox (eds.). Springer, 2009.

- Sklovsky K.I.* Povsednevnyaya tsivilistika [Everyday Civil Law]. Moscow, 2017.
- Smirnov V.T., Sobchak A.A.* Obshchee uchenie o deliktnykh obyazatel'stvakh v sovetskom grazhdanskom prave: Uchebnoe posobie [The General Theory of Tort Obligations in Soviet Civil Law: Textbook]. Leningrad, 1983.
- Ulbashev A.Kb.* Osushchestvlenie i zashchita lichnykh prav [The Exercise and Protection of Personal Rights] // Legislation. 2017. No. 9.
- Vorobev A.V.* Institut kompensatsii moral'nogo vreda v rossijskom grazhdanskom prave [Institute of Compensation of Moral Damage in Russian Civil Law]. St. Petersburg, 2008.
- Yagelnitsky A.A.* K voprosu o nerazryvnoj svyazi prava s lichnost'yu: preemstvo v prave trebovat' kompensatsii moral'nogo vreda i vreda, prichinyonnogo zhizni ili zdorov'yu [On the Inextricable Relationship of Law with the Individual: Succession in the Right to Demand Compensation for Moral Damage and Damage Caused to Life or Health] // Civil Law Review. 2013. Vol. 13. No. 2.

Information about the author

Monastyrsky Yu.E. (Moscow) – Candidate of Legal Sciences (e-mail: monastyrsky@mzs.ru).